

Говоря о спектакле Стратфордского театра «Гамлет», прежде всего можно с удивлением отметить, что общая трактовка трагедии в принципе не противоречит нашему ее пониманию и лучшим традициям русской сценической истории «Гамлета». Это — отнюдь не проповедь пессимизма, безволия, бессилия человека перед судьбой, как нередко трактуется «Гамлет» в буржуазном литературоведении. Это не трагедия, в которой рефлексия разъедает волю героя и лишает его способности к действию. Каким представляется нам режиссерский замысел спектакля? «Гамлет» — это произведение, в котором Шекспир выразил свой идеал человека и неизбежность гибели такого героя в мире, где господствуют преступление, подлость и несправедливость. Спектакль воспринимается, как прославление подвига человека, поставившего против окружающего его зла, и сама гибель героя не создает настроения пессимизма: Гамлет умирает непобежденным, выполняя то, к чему обязывал его долг, и верится, что пример его способен увлечь многих других.

Трактовка данной трагедии, конечно, определяется в первую очередь воплощением образа Гамлета, едва ли не самого многогранного и сложного во всей мировой драматургии. Исполнение роли Гамлета «по плечу» лишь наиболее одаренным актерам, к числу которых, бесспорно, относится и Майкл Редгрейв, исполняющий эту роль в Стратфордском театре.

Майкл Редгрейв несомненно обладает прекрасными природными данными для исполнения роли Гамлета. У него открытое, мужественное, подвижное лицо, выразительные глаза, прекрасная фигура, звонкий, гибкий голос. Уже внешний облик его при первом появлении на сцене словно говорит о том, что его Гамлет от природы человек сильный (как утверждал Белинский в противоположность концепции Гете о природной слабости принца).

Майкл Редгрейв прав, когда отказывается от восприятия Гамлета как мечтателя, чьи идеализирован-

«ОН ЧЕЛОВЕК БЫЛ, ЧЕЛОВЕК ВО ВСЕМ»

ные представления о жизни приходят в столкновение с испорченным миром. С первых моментов действия чувствуется принципиальность принца, его зрелый реалистический ум, способный увидеть противоречие внешности и сущности в мире и человеке.

С начала спектакля до конца Гамлет — Редгрейв владеет симпатиями зрителя. Артисту удалось передать силу и глубину чувств Гамлета. Исполнение Редгрейва лишено однообразия, передает самые тонкие оттенки переживаний героя. И нас особенно радует, что Гамлет в спектакле не только «сильный», но и бодрый, любящий жизнь человек; наряду с правдивым и глубоким по силе изображением страдания и гнева Гамлета Редгрейв показал и «проблески», когда Гамлет на мгновение является таким, каким он был до открытия преступления Клавдия: таков он при встрече с друзьями, с актерами, с могильщиком.

Гамлет в исполнении Редгрейва — это прежде всего живой человек: его отрицание и обличение окрашены личной болью и скорбью. Особенно сильно проводит артист сцену с Офелией: именно бесконечная сила любви заставляет его так трагически воспринимать ее вынужденное отчуждение и ее ложь, осыпая ее горькими оскорблениями. Потрясает в исполнении Редгрейва скорбь Гамлета у гроба Офелии. В сцене с матерью чувствуется не только боль Гамлета за отца, но и боль за мать. У некоторых исполнителей в этой сцене звучит только обличение. В монологе Гамлета в исполнении Редгрейва чувствуется страстная попытка пробудить у матери раскаяние, вызвать в ней отпращивание к Клавдию, очистить ее душу. Именно в этом «доброта жестокости» Гамлета.

В роли Гамлета особенно важно передать философскую глубину образа. Мысль такой силы, как мысль

«Гамлет» в постановке Шекспировского мемориального театра

Гамлета, уже сама по себе есть действие, единственно возможное в его положении. Важнейшая черта Гамлета — его способность к обобщению. Сила гамлетовского обобщения передана артистом и в обличении слабости женщины, в гимне человеку, в обращении к Горацио и особенно в монологе, содержащем советы Гамлета актерам.

Отрицание Гамлетом пороков отдельных людей пашло в игре Редгрейва глубокое воплощение, но его трагическое обобщение: «век вывихнут» и «мир — тюрьма» не прозвучало в спектакле с достаточной силой. Задача исправления мира представлена только как тяжелое проклятие, лежащее на Гамлете.

Важно подчеркнуть, что Гамлет не только страстно бичует себя за бездействие, но и стремится понять себя: он перечисляет возможные причины своей нерешительности — трусость, слабость воли, мягкость характера, скотское забвение, неясные пути борьбы — и отвергает их все! Эти мучительные поиски причин бездействия недостаточно переданы в игре Редгрейва.

Монолог «Быть или не быть» глубже всего раскрывает причину колебания героя: удар князя не уничтожит «моря бед». Но в исполнении Редгрейва в основном прозвучала лишь мысль о самоубийстве, а не протест против социальной несправедливости.

Хотя и не все черты образа удалось передать артисту, его Гамлет глубоко волнует, он понятен и близок советскому зрителю.

Образ короля Клавдия исключительно важен в трагедии для пра-

вильного воплощения общего ее замысла. В исполнении Марка Дигнэма Клавдий не является внешне грубым и отталкивающим, каким, к сожалению, нередко изображается. У Дигнэма, в соответствии с замыслом Шекспира, Клавдий не «мелодраматический злодей», не просто «подлец», а «подлец с улыбкой», внешне весьма «благопристойный», в сущности, очень тонкий и опасный враг Гамлета. Артисту удалось воссоздать этот образ во всей сложности, показать и сластолюбие, и тщеславие унижающегося властью узурпатора, и страх его перед возмездием, и наряду с этим внешне «благообразие», даже «изысканность» его поведения.

Очень хорошо также, что Полоний в изображении Сирилла Лакхэма не просит «пнуть», что актер не старается во что бы то ни стало сместить зрителей. Он важен, исполнен сознания собственного достоинства, по своему неглуп. Однако, пожалуй, не мешало бы все же придать образу несколько больше сатирической заостренности.

Офелию играет Дороти Тьютин, так полюбившаяся ленинградцам за исполнение ролей Джульетты и Вюльи. В Офелии мы имеем новую возможность убедиться в многогранности и яркости дарования этой актрисы. Она предельно естественна, искренна, трогательна. Актриса тонко передала душевное благородство, ум Офелии, ее глубокую любовь, которую не могли поколебать «предостережения» брата и отца. Хорошо, что Офелия не изображена здесь ограниченной, ведь нельзя забывать о том, что она сумела оценить достоинства Гамлета. С потрясающей драматической силой проводит Дороти Тьютин сцену безумия Офелии, в ее игре сочетается высокая поэтичность и лиризм с острой характерностью. Было особенно приятно, что она не повторила ошибочной трактовки актрисы Мэри Юр (высту-

павшей в Москве в роли Офелии в гастрольях английского театра «Теннент») и дала не «клиническую», а поэтическую картину безумия, в соответствии с шекспировским замыслом.

Королева — Корел Браун — женственна, изящна. Она не злонамеренная соучастница преступления короля. Она просто слабая женщина, любящая своего сына, искренне сожалеющая об Офелии, — хотя эта слабость приводит к предательству. Может быть, такая трактовка покажется кому-нибудь идеализацией образа Гертруды, однако вряд ли сам Шекспир мыслил ее как ограниченную и чувственную женщину, иначе вряд ли бы он вложил в ее уста столь поэтический рассказ о гибели Офелии (кстати, чудесно исполненный актрисой).

Заслуга театра в том, что образ магистрика (артист Доналд Экклз) трактуется не примитивно и не условно, как это было в театре «Теннент», а в реалистической манере, весьма сочувственно. Исполнитель ярко показал острый, независимый ум этого представителя народа.

К сожалению, не вполне удалось образы Горацио и Лаврта. Горацио — Рон Хендрик (прекрасно сыгравший Тибальда) слишком однообразен и малообразован. Ему не удалось полностью передать ни преданности Гамлету, ни глубокого ума Горацио. Лаврту (артист Эдуард Вудворт) явно недостает искренности и юношеской пылкости.

В целом «Гамлет», как и «Ромео и Джульетта» и «Вендишная почта», радует сложностью и стройностью. Постановщик Глен Байэм Шоу стремится к наиболее полному воплощению замысла Шекспира при максимальной простоте внешних выразительных средств.

В заключение следует сказать, что виденные нами три спектакля Стратфордского театра дают право утверждать, что театр, носящий имя «Шекспировского мемориального», оправдал наши ожидания.

Н. НИКИФОРОВСКАЯ,
В. КОМАРОВА